

## ЧАСОВОЙ МАСТЕР\*

Это был холодный, скучный день. Солнца не было видно, а тучи и облака смешались в однородный суп.

Геннадий Викторович, пожилой человек из обычной хрущевки, сидел на кухне, на табуретке, чинил, уже не первый час, поломанные механические часы и смотрел политическое ток-шоу наугад.

Говорили, как всегда, про будущее благополучие и пугали, как всегда, будущим неблагополучием. Впереди были выборы.

Умные люди давали оценки то той, то иной ситуации, травили друг друга, улыбались друг другу, опять травили, но, в целом, были готовы ради Геннадия Викторовича на всё. Геннадий Викторович знал, что на деле у них ничего не получится. Во-первых, у него был горький опыт, и, во-вторых, его интересовали сейчас только насущные проблемы, а именно: его сломанные часы, подарок любимой жены.

Что бы он ни слышал, на какой бы канал не переключал, его реакция на слова кандидатов была всегда одна и та же: он пристально глядел на каждого секунд пять, отмечал у себя в голове из какого материала тот сделан, иронично кивал и лез обратно задеревеневшими пальцами в тонкий механизм, каждый раз повторяя себе под нос: «будьте вы прокляты».

Между тем, затеянное им дело всё больше походило на авантюру: какие-то детали он вынул и положил рядом на стол, забыв, что и к чему крепится.

Время шло, старик работал все усерднее, все больше уставал, расстраивался, и даже решил отказать себе самому в обеде.

На обед у него был отложен суп с макаронами, который он пару дней назад сварил. До этого на обед у него был тоже суп с макаронами. И до того — тоже. Других супов Геннадий

Викторович варить не умел, и после того, как год назад умерла его жена, варил только его, но в разных вариациях и с разными приправами. Любил он также только его. По крайней мере, ему себя в этом удалось убедить.

Сейчас же, после того как он принял решение пожертвовать обедом, он ощущал себя в каком-то смысле героем. У него было убеждение, что, занимаясь починкой памятных часов, он занимается восстановлением своей памяти, а восстановление своей памяти, в свою очередь, — дело священное, потому что благодаря ей мы можем помнить кем мы были и кто мы есть.

А между тем часовой механизм имел свои прихоти, детали, кажущиеся простыми и понятными, никак не хотели вставать на свои места и, очевидно, не проявляли благоговейных чувств к своему хозяину.

Впрочем, старик не отчаивался. Он без конца крутил их в руках и вглядывался плохим уже зрением, то в систему шестеренок, то в малые и большие пружины, то в храповое колесо.

Со стороны это походило на своеобразное соревнование своенравий между механической вещью и человеческим существом, на соревнование безразличной природы со старческим максимализмом, при котором противостоящие стороны в итоге всё равно останутся при своём.

Тем временем по телевизору выступал очередной кандидат, который с торжественно-унылым и одновременно заискивающим лицом сообщал всем, что именно он всегда прав, а его оппоненты — всегда не правы.

Он говорил настолько правильные вещи, что снова в руках у старика все развалилось. Он поднял глаза на оратора и к своему ужасу понял, что без помощи свыше ему не обойтись. Он успокоился и мысленно обратился к кандидату, как к иконе, подробно описав проблему и ценность вещи, которая требовала ремонта. И случилось чудо: минуту спустя в него все получилось.

Потрясенный и не желающий больше разочаровываться, ведь часы ещё требовалось повесить, подтянуть гири, (а они все ещё могли и не пойти), он замер и сидел не двигаясь какое-то время, тупо смотря в одну точку и слушая звук голоса человека из телевизора. Что говорил этот голос и о чем — его уже не интересовало, он просто верил, что этот человек не такой, как все предыдущие.

Через некоторое время он встал и повесил часы на стену ровно на уровне своей головы и качнул маятник.

Часы затикали. А из маленького гнезда, прямо на старика выскочила вечно молодая кукушка и чуть не клюнула его в лоб.

Это было настоящим чудом.

Геннадий Викторович присел на табуретку и машинально записал на клочке бумаги фамилию кандидата.

«А что, вдруг, — пронеслось у него в голове, — кукушка и кандидат как-то связаны, ведь все они говорят об одном: сколько кому на земле жить осталось...»

Потом ему показалось, что это знамение свыше, что это знак от жены, которая шлёт ему, таким образом, привет.

Как бы там ни было, Геннадий Викторович разогрел суп и решил, за кого он точно будет голосовать.

До выборов оставалось недолго.

Пришедший в день выборов сын, обнаружил одинокое, остывшее тело; рядом валялась опрокинутая кастрюля с макаронами, а на столе лежал клочок бумаги с неразборчиво выписанной фамилией.

Медленно вывалившаяся из гнезда кукушка зафальшивила что-то на своем языке и замерла в воздухе.

Похоже, она пыталась сказать что-то хорошее.